

*Книга подготовлена к печати и издана
в год 150-летия Джозефа Редьярда Киплинга,
английского писателя и поэта, неутомимого
путешественника, фантазера и мифотворца.*

УДК 821.111(73)—93

ББК 84(4Вел)—44

К 42

Перевод: Э. И. Мельник

Предисловие: К. А. Молдавская

Послесловие: А. Я. Ливергант

Иллюстрации: Анхель Домингес

Портрет Р. Киплинга: Shutterstock

Киплинг Р.

К 42 Книга джунглей : [для сред. и ст. шк. возраста] / Редьярд Киплинг ; [пер. с англ. Э. Мельник] . — М. : Абрикобукс, 2015. — 280 с. : ил. — (Кисть и перо).

ISBN 978-5-9905904-0-3

«Книга джунглей» — подарочное издание, подготовленное к 150-летию английского писателя Джозефа Редьярда Киплинга. Книга проиллюстрирована знаменитым испанским художником Анхелем Домингесом, обладателем наград «Лучшая книга для детей» и «Лучшая иллюстрированная книга» (Испания).

В сборник вошли восемь рассказов о Маугли из «Книги джунглей» и «Второй книги джунглей», опубликованных в 1892–1895 годах, а также стихотворения Киплинга. Предисловие для родителей написала Ксения Молдавская, литературный критик и педагог. Послесловие — Александр Ливергант, переводчик, киплинговед, главный редактор журнала «Иностранный литература».

Для кого эта книга — взрослых или детей — решать читателю. «Рассказы про Маугли предстояло читать детям, прежде чем станет ясно, что они предназначены для взрослых», — так писал в автобиографии сам Киплинг.

Вошедшая в золотой фонд детской литературы еще при жизни автора, в России «Книга джунглей» с рисунками Анхеля Домингеса и в переводе Элеоноры Мельник издается впервые.

© Ángel Domínguez, 2009

© Э. И. Мельник, 2015

© К. А. Молдавская, 2015

© А. Я. Ливергант, 2015

© ООО «Издательство «Абрикос», 2015

ISBN 978-5-9905904-0-3

КНИГА ДЖУНГЛЕЙ

абрикобукс

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие для родителей	9
Братья Маугли	13
Охота КАА	43
КАК пришел Страх	79
Тигр! Тигр!	107
Нашествие джунглей	135
Рыжие псы	175
ЦАРСКИЙ анкус	209
ВЕСЕННИЙ бег	239
ВМЕСТО послесловия	272
Примечания	277

Джóзéф Рéдъярд Кýплинг
(1865—1936)

предсказуе, вляя роqитеleй

«Я Акела», — представляется новый скаут-мастер, но ни в одном из скаутских патрулей никто не хихикнет. Все серьезно, потому что Акела у скаутов это не имя — это должность.

Когда сэр Роберт Баден-Пауэлл разрабатывал систему молодежной организации юных разведчиков, за основу скаутской иерархии он взял структуру волчьей стаи из «Книги Джунглей»: вожак — Акела, младшие скауты — волчата и так далее.

Почему же жизнь индийской волчьей стаи, описанной сахибом Джозефом Редьярдом Киплингом, так пришлась по душе генералу Роберту Баден-Пауэллу?

Все дело в системе. Традиционные, десятилетиями не менявшиеся, английские закрытые школы для мальчиков закаляли характер и воспитывали людей, чтящих понятие долга, но редко приносили воспитанникам радость: спартанские условия, жесткое распределение социальных ролей между старшими и младшими, невозможность побить одному, воспитание скорее кнутом, чем пряником — вряд ли кто-то из детей мечтал о таком. Сколько уж написано тем же Киплингом и многими другими

КНИГА ДЖУНГЛЕЙ

о слезах, тайком пролитых в дортуарах, и о том, что ни к чему эти слезы не привели. Нежные домашние мальчики росли, грубели, принимали существующее положение вещей — и вписывались в систему, которая очень мало изменялась от школы к колледжу и дальше ко взрослой службе.

Воспитание волчат в джунглях, воспитание детенышней Свободного Народа — это, конечно, проекция британской системы, сложившейся в XIX веке, но проекция все же улучшенная, даже слегка идеализированная. Здесь нет места издевательствам и жестокости. Никто из взрослых не имеет права обидеть малыша. Наставники молодняка строги, но справедливы. У всех волчат, включая Маугли-Лягушонка, есть возможность для самостоятельного познания мира, для приобретения опыта, основанного как на советах мудрых, так и на собственных ошибках. И еще, что особенно важно, в джунглях Киплинга есть универсальный код, позволяющий представителям разных племен если не прийти к взаимопониманию, то по крайней мере не начинать разговор с конфликта: «Мы с тобой одной крови — ты и я».

Но все же «Книга Джунглей» — это не только о том, как расстить свободного и ответственного героя, не только о воспитании. Это еще и героические приключения, разворачивающиеся в умопомрачительных декорациях сказочной Индии. Это истории, которые стали одной из основ современной детской культуры, а создание на их основе мультфильмов естественным образом снижает возрастную планку. «„Маугли“? Это для малышей! „Рикки-Тикки-Тави“? — Для дошкольников!»

Безусловно, и малышам и дошкольникам читать «Книгу Джунглей» можно и нужно. Читать (сначала в сокращении), рассматривать картинки и даже обсуждать разницу между книгой и мультфильмами. Богатая, кстати, идея для проведения семейных каникул. А ведь еще можно искать «приветы Киплингу» в других книгах. Например, чем рассказ Бориса Житкова

ПРЕДИСЛОВИЕ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

«Мангуста» не поклон русского писателя храброму победителю Нага и Нагайны?

Читая вслух «Книгу Джунглей», редкий родитель не поймает себя на мысли: тот ли Киплинг, который был в его детстве? Или какой-то совершенно новый, не столько приключенческий, сколько философский, мудрый, глубокий? Кто изменился: книга или читатель?

«Книга Джунглей» — из тех книг, что растут вместе с читателем, раскрывая все новые глубины по мере того, как опыт позволяет увидеть их и насладиться. В каждом возрасте ребенок, подросток, юноша найдет в тексте что-то такое, что можно заметить только сейчас, вот только с этим опытом и интересом.

Традиционно именно «Книга Джунглей» становится теми воротами, через которые ребенок, любопытно заглядывавший прежде через маленькую калитку «Просто сказок», входит в творчество Редьярда Киплинга, чтобы потом наслаждаться «Паком с Волшебных холмов» и «Подарками фей», «Простыми рассказами с гор», «Кимом». И какое счастье, что через эти ворота, через «Книгу Джунглей», можно проходить многократно — и каждый раз по-разному.

Ксения Молдавская

ବ୍ରାତବ୍ରମ୍ମ ମ୍ୟାଗ୍ରମ୍

Нетопырём за Чилем вслед
Мчит ночь на крыльях тьмы.
Скот загнан в хлев: далек рассвет,
И миром правим мы —
Клык, лапа, коготь! Час ночной
Для тех, чей дух силен.
Охоты доброй всем — *аой!* —
Кто Джунглей чтит Закон!

Ночная песня Джунглей

БРАТЬЯ МАУГЛИ

Б

ыло семь часов очень жаркого вечера в Сионийских горах¹, когда Отец Волк проснулся после дневного отдыха, почесался, зевнул и одну за другой размял лапы, прогоняя из них сонливую вялость. Мать Волчица лежала, накрыв крупной серой мордой четверых волчат, которые баражались и повизгивали. В устье² пещеры, где все они жили, заглядывала луна.

— *Ар-р-р!* — проговорил Отец Волк. — Пора снова идти на охоту.

Он уже собрался было скачками спуститься с горы, когда щуплая тень с пушистым хвостом переступила через порог и заскулила:

— Удачи тебе, о Вожак Волков! Удачи и крепких белых зубов твоим благородным детям, и да не забывают они никогда, что есть на этом свете голодные.

То был Шакал — лизоблюд Табаки³, а волки Индии презирают Табаки за то, что он рыщет повсюду, строя козни, разнося сплетни и пожирая лохмотья и куски кожи на деревенских мусорных кучах. Но и опасаются его тоже, ибо Табаки чаще, чем любой другой зверь в джунглях, заболевает бешенством — и тогда он

КНИГА ДЖУНГЛЕЙ

забывает, что когда-то кого-то боялся, и мечется по лесу, не разбиная дороги, кусая всех без разбору. Даже тигр бежит и прячется, когда безумствует маленький Табаки, ибо бешенство — самое большое бесчестье, какое только может выпасть на долю дикого создания. Мы именуем эту болезнь водобоязнью, но жители джунглей называют ее *дивани* — безумием и бегут прочь.

— Что ж, входи и осмотрись, — неприветливо сказал Отец Волк, — но никакой еды здесь нет.

— Для волка — нет, — возразил Табаки, — но для такого жалкого создания, как я, даже голая кость — целое пиршество. Кто мы, Джайдер-лог⁴, такие, чтобы перебирать харчами? — Он про크рался вглубь пещеры, отыскал там оленью кость с остатками мяса и, довольный, уселся грызть ее.

— Благодарствуйте за знатное угощение, — проговорил он, облизываясь. — Как прекрасны эти благородные дети! Какие большие у них глаза! А ведь они еще такие юные! Ах, конечно-конечно, мне следовало бы помнить, что царские дети уже с первых дней взрослые.

А ведь Табаки не хуже всех прочих знал, что ничто так не отвращает удачу, как похвала, сказанная детям в глаза. И с удовольствием увидел, как смутились Отец и Мать Волки.

Табаки посидел молча, радуясь, что удалось навлечь на других беду, а потом сказал злорадно:

— Шер-Хан⁵, Большой Тигр, переменил место охоты. Весь следующий месяц он будет охотиться в этих горах — так он мне сказал.

Шер-Хан был тигр, который жил в окрестностях реки Вайнгáнги⁶, в двадцати милях⁷ от волчьей пещеры.

— Он не имеет права! — сердито начал Отец Волк. — По Закону Джунглей он не имеет права менять место охоты, никого не предупредив. Он распугает всю дичь на десять миль в округе, а мне... мне нынче приходится охотиться за двоих.

БРАТЬЯ МАУГЛИ

— Не случайно мать назвала его Лангри⁸, — тихо проговорила Мать Волчица. — Он с рождения хром на одну лапу. Поэтому и убивает лишь домашний скот. Деревенские жители с берегов Вайнганги злы на него, а теперь он пришел сюда, чтобы разозлить и здешних сельчан. Гоняясь за ним, они подожгут джунгли, когда его уже и след простынет, а нам с детьми придется спасаться бегством, когда трава зайдется пламенем. Вот уж спасибо так спасибо Шер-Хану!

— Хотите, передам ему вашу благодарность? — предложил Табаки.

— Вон! — рявкнул Отец Волк. — Поди прочь и охолься со своим хозяином. Довольно ты натворил зла за один вечер.

— Ухожу, — тихо ответил Табаки. — Слышите? Это он, Шер-Хан, внизу, в чаще. Я мог бы ничего не говорить.

Отец Волк прислушался — и внизу, в долине, которая сбегала к небольшой речушке, услышал сухое, сердитое, ворчливое, монотонное подывивание ничего не поймавшего Тигра, которому нет дела до того, что об этом узнают все джунгли.

— Глупец! — проворчал Отец Волк. — Начинать ночные труды с такого шума! Уж не думает ли он, что наши олени похожи на жирных волов Вайнганги?

— Тс-с-с... Нынче он охотится не на вола и не на оленя, — проговорила Мать Волчица. — Он охотится на Человека.

Подывивание сменилось гулким рычанием, казалось, доносившимся сразу со всех сторон. Именно такой звук морочит головы дровосекам и цыганам, ночующим под открытым небом, и порой заставляет их бросаться прямо в пасть тигру.

— На Человека! — проворчал Отец Волк, оскалившись. — Фу! Будто мало жуков и лягушек в прудах, что ему понадобилось есть Человека, да к тому же еще на нашей земле!

Закон Джунглей, чьи веления никогда не бывают лишены оснований, не позволяет ни одному зверю есть Человека — за исключе-

КНИГА ДЖУНГЛЕЙ

чением того случая, когда он убивает, чтобы показать своим детям, как это делается; да и тогда он обязан охотиться за пределами охотничьих угодий своей стаи или племени. Истинная причина заключается в том, что убийство человека рано или поздно влечет за собою прибытие белых людей на слонах, с ружьями, и сотен смуглых людей с гонгами⁹, ракетами и факелами. Плохо тогда приходится всем жителям Джунглей. А между собою звери говорят, что Человек — самое слабое и беззащитное из всех живых существ и трогать его недостойно истинного охотника. А еще они говорят — и это правда, — что шерсть у людоедов паршивеет, а зубы выпадают.

Рык становился все громче, завершившись громогласным «*ар-р-р!*» нападающего Тигра.

А потом раздался вой Шер-Хана — совсем не тигриный вой.

— Он промахнулся, — заметила Мать Волчица. — Что там такое случилось?

Отец Волк отбежал на несколько шагов от входа в пещеру и услышал, как Шер-Хан в ярости рычит и бормочет, ворочаясь в кустах.

— Этот глупец не нашел ничего лучше, как прыгнуть в костер дровосека, и обжег себе лапы, — фыркнул Отец Волк. — И Табаки с ним.

— Кто-то поднимается по склону, — предупредила Мать Волчица, насторожив одно ухо. — Приготовься!

В зарослях тихонько зашуршали кусты, и Отец Волк присел на задние лапы, готовый к броску. А потом, если бы вы за ним наблюдали, то увидели бы самую удивительную вещь в мире — волка, замершего на середине прыжка. Он прыгнул еще до того, как увидел, на что бросается, а увидев, попытался остановиться. Потому-то он и взвился в воздух на четыре или пять футов¹⁰, приземлившись почти на то же место.

— Человек! — рявкнул он. — Человеческий детеныш. Гляди-ка!

БРАТЬЯ МАУГЛИ

КНИГА ДЖУНГЛЕЙ

Прямо перед ним, держась за низко нависшую ветку, стоял голеный смуглый малыш, который едва научился ходить, — крохотный, мягонький, весь в ямочках детеныш, какой еще никогда не забредал ночью в волчью пещеру. Он посмотрел прямо в глаза Отцу Волку — и рассмеялся.

— Так это и есть человеческий детеныш? — переспросила Мать Волчица. — Я никогда таких не видела. Неси-ка его сюда.

Волк, привыкший носить собственных детенышей, может, если необходимо, взять зубами яйцо, не раскусив его; и хотя челюсти Отца Волка сомкнулись прямо на спинке ребенка, на коже того не оказалось ни царапинки, когда он положил малыша среди волчат.

— Какой маленький! Какой голеный и... какой храбрый! — нежно проговорила Мать Волчица. Малыш расталкивал в стороны волчат, стараясь подобраться поближе к теплому боку. — Ой! Он кормится вместе с остальными. Так вот он какой, человеческий детеныш. Слыханное ли дело — чтобы волчица могла похвальиться тем, что среди ее детей есть человеческий детеныш?

— Слыхал я, что такое случалось, но ни разу в нашей Стаси никогда за все мои дни, — сказал Отец Волк. — На нем нет ни клочка шерсти, и я мог бы убить его одним ударом лапы. Но смотри, он глядит на меня — и не боится.

Лунный луч в устье пещеры погас, ибо в отверстие просунулись здоровенная квадратная голова и плечи Шер-Хана. Позади него повизгивал Табаки:

— Господин мой, господин мой, он вошел сюда!

— Великую честь оказывает нам Шер-Хан, — проговорил Отец Волк, но в глазах его плескался гнев. — Что надобно Шер-Хану?

— Мою добычу. Сюда вошел человеческий детеныш, — ответил Шер-Хан. — Его родители сбежали. Отдайте его мне!

Шер-Хан прыгнул в костер дровосека, как верно сказал Отец Волк, и боль в обожженных лапах привела его в ярость.

БРАТЬЯ МАУГЛИ

Но Отец Волк знал, что устье пещеры слишком узкое, чтобы в него мог пролезть тигр. Даже там, где Шер-Хан стоял сейчас, места для его плеч и передних лап не хватало — ему было тесно, как человеку, который попытался бы драться, сидя в бочке.

— Волки — свободный народ, — молвил Отец Волк. — Они слушаются лишь приказов Вожака Стai, а не какого-то там полосатого убийцы домашней скотины. Человеческий детеныш наш — сами его убьем, если пожелаем.

— «Пожелаем — не пожелаем»! Какое мне до этого дело? Клянусь быком, которого я убил, — долго ли мне еще стоять, уткнувшись носом в ваше собачье логово в ожидании того, что принадлежит мне по праву? Это говорю я, Шер-Хан!

Рев Тигра громом отдавался от стен пещеры. Мать Волчица стряхнула с себя волчат и прыгнула вперед. Ее глаза, пылавшие во тьме, точно две зеленые луны, встретили горящий взгляд Шер-Хана.

— А отвечаю тебе я, Рáкша¹¹! Человеческий детеныш мой, Лангри, а что мое, то мне и останется! Он не будет убит. Он будет жить, и бегать со Стai, и охотиться со Стai. А под конец — берегись, ты, охотник на голых детенышей, пожиратель лягушек, рыбоед! — он будет охотиться на тебя. Теперь убирайся отсюда — или, клянусь Самбхúром¹², которого убила я (я не ем мореного скота), ты отправишься прямиком к своей матери, паленая тварь джунглей, еще более хромым, чем явился на этот свет! Вон!

Отец Волк смотрел на нее с восхищением. Он почти позабыл те дни, когда завоевал Мать Волчицу в честной схватке с пятью другими волками, когда она бегала со Стai и была прозвана Демоницей не за красивые глаза. С Отцом Волком Шер-Хан еще схватился бы, но против Матери Волчицы он не смог бы выстоять, ибо знал, что здесь на ее стороне вся правда родного логова и она будет драться до смерти. Поэтому он, рыча, попятился из пещеры, а когда освободился, завопил:

КНИГА ДЖУНГЛЕЙ

— В своем дворе всякая собака брешет! Посмотрим, что скажет Стая насчет приемыша из человеческого племени. Детеныш мой, и под конец он попадет ко мне в зубы, о вы, пушистохвостые грабители!

Мать Волчица, тяжело дыша, улеглась на пол пещеры между волчатами, и Отец Волк сказал ей сурохо:

— Доля истины в словах Шер-Хана есть. Детеныша должно показать Стве. Ты все же хочешь оставить его себе, Мать?

— Оставить его! — выдохнула она. — Он пришел голый, ночью, совершенно один и очень голодный, однако он не испугался! Гляди-ка, он уже оттолкнул в сторону одного из моих малышей. А этот хромой мясник убил бы его и сбежал к Вайнганге, и здешние деревенские жители разорили бы в отместку все наши логова до единого! Оставить его?! Уж конечно я его оставлю. Лежи смирно, маленький лягушонок. О ты, Маугли¹³ — ибо Лягушонком Маугли я стану звать тебя, — настанет день, когда ты будешь охотиться на Шер-Хана так же, как он охотился на тебя.

— Но что скажет Стая? — размышлял вслух Отец Волк.

В Законе Джунглей очень ясно сказано, что любой волк, выбрав себе волчицу, может уйти из стаи, к которой принадлежит. Но как только его детеныши подрастут настолько, чтобы стоять на собственных лапах, он должен привести их на Совет Стai, который обычно собирается раз в месяц при полной луне, чтобы с ними могли познакомиться другие волки. После этого смотря волчата могут бегать, где им вздумается, и, пока они не убьют своего первого оленя, ни один волк из Стai ни при каких условиях не может убить ни одного из них. Наказание убийце — смерть на месте; и если вы задумаетесь на минутку, то поймете, что так и должно быть.

Отец Волк дождался, чтобы его волчата научились понемногу бегать, а затем, в ту ночь, когда собиралась Стая, повел их

БРАТЬЯ МАУГЛИ

вместе с Маугли и Матерью Волчицей на Скалу Совета — усеянную валунами и булыжниками вершину холма, на котором могла бы укрыться и сотня волков. Акела¹⁴, огромный серый Волк-Одиночка, который возглавлял Стую по праву силы и хитрости, лежал, растянувшись во весь рост, на своем камне, а ниже вокруг него расселись более сорока волков всех размеров и окрасов — от седых, как барсуки, ветеранов, способных в одиночку совладать с оленем, до молодых черных трехлеток, лишь воображавших, что им это тоже под силу. Волк-Одиночка возглавлял их уже год. В юности он дважды попадал в волчью ловушку, однажды его крепко избили и бросили подыхать; так что ему были известны нравы и обычаи людей. Разговоров на Скале почти не было. Отцы и матери усаживались в кружок, в центре которого кувыркались волчата, и время от времени один из старших волков тихонько подходил к какому-нибудь волчонку, внимательно его разглядывал и, бесшумно ступая, возвращался на свое место. Порой какая-нибудь из матерей подталкивала своего волчонка под лунный луч, чтобы он не остался незамеченным. Акела со своего камня временами подавал голос:

— Вы знаете Закон, вы знаете Закон.
Смотрите хорошенько, о Волки!

И взволнованные матери подхватывали этот клич: «Смотрите, смотрите хорошенько, о волки!»

Наконец — когда настал этот момент, шерсть на загривке Матери Волчицы встала дыбом — Отец Волк вытолкнул в центр Лягушонка Маугли, как они его называли, и мальчик уселся там, смеясь и играя с камушками, поблескивавшими в лунном свете.

КНИГА ДЖУНГЛЕЙ

Акела даже не поднял головы с передних лап, лишь повторял свой монотонный призыв: «Смотрите хорошенъко!» И тут приглушенный рык раздался из-за скал — то был голос Шер-Хана, который взывал:

— Детеныш мой! Отдайте его мне! На что Свободному Народу человеческий детеныш?

Акела и ухом не повел. Сказал только:

— Смотрите хорошенъко, о волки! На что Свободному Народу приказы кого угодно, кроме Свободного Народа? Смотрите хорошенъко!

Раздался низкий хоровой рык, и молодой волк-четырехлеток в ответ бросил Акеле вопрос Шер-Хана:

— На что Свободному Народу человеческий детеныш?

А ведь Закон Джунглей гласит, что в случае спора о праве любого детеныша быть принятым в Стую за него должны вступиться, самое малое, два члена Стai, но не мать и отец.

— Кто скажет слово за этого детеныша? — спросил Акела. — Кто выскажется среди Свободного Народа?

Ответа не было, и Мать Волчица приготовилась к бою, который, как она понимала, если до него все же дойдет, окажется для нее последним.

Тут встал на задние лапы и зарычал единственный помимо волков зверь, которому дозволен доступ на Совет Стai — Бáлу¹⁵, сонный бурый медведь, который обучает волчат Закону Джунглей; старый Балу, который может приходить и уходить, когда пожелает, поскольку ест он одни орехи, да корешки, да мед.

— Человеческий детеныш... Человеческий детеныш? — проговорил он. — Я выскажусь за человеческого детеныша. От человеческого детеныша никакого вреда. Говорить я не мастер, зато говорю истину. Пусть бегает со Стaiей, и да будет он принят вместе с другими. Я сам буду обучать его.

— Нам нужен еще один, — сказал Акела. — Балу сказал свое

БРАТЬЯ МАУГЛИ

слово, а он — учитель молодых волчат. Кто еще высажется, кроме Балу?

Черная тень метнулась в центр круга. То была Баги́ра¹⁶, Черная Пантера, чернильно-черная от кончика хвоста до кончиков усов, но, когда свет падал особым образом, по всей ее шкуре муáровым узором¹⁷ проступали леопардовые пятна. Все знали Баги́ру, и никто не осмеливался перебегать ей дорогу, ибо была она хитра, как Табаки, отважна, как дикий буйвол, и бесстрашна, как раненый слон. Но голос ее был сладок, точно дикий мед, капающий с дерева, а шкура — мягче птичьего пуха.

— О Акела, и вы, Свободный Народ, — промурлыкала она, — у меня нет прав в вашем собрании, но Закон Джунглей гласит, что, если в отношении нового детеныша возникает спор, не связанный с убийством, жизнь этого детеныша может быть выкуплена за определенную цену. И в Законе не сказано, кто может уплатить этот выкуп, а кто не может. Права ли я?

— Верно! Верно! — загомонили вечно голодные молодые волки. — Слушайте Баги́ру. За детеныша можно внести выкуп. Таков Закон.

— Зная, что у меня нет права говорить здесь, прошу на то вашего позволения.

— Говори! — взвыли разом двадцать голосов.

— Убивать голого детеныша — позор. Кроме того, он станет для вас славной забавой, когда подрастет. Балу замолвил за него слово. Я же прибавлю к слову Балу быка — жирного, только что убитого всего в полукилометре отсюда, — если вы примете человеческого детеныша согласно Закону. Разве это трудно?

Раздался разноголосый хор множества голосов, которые воскликали на все лады:

— Какая разница? Он умрет от зимних дождей. Его сожжет солнце. Какой вред может причинить нам голый лягушонок? Пусть бегает со Стаяй. Где этот бык, Баги́ра? Пусть детеныш будет принят!

КНИГА ДЖУНГЛЕЙ

И весь этот хор перекрыл низкий голос Акелы:

— Смотрите хорошенько, смотрите хорошенько, о Волки!

Маугли был совершенно поглощен игрой с камушками и даже не заметил, как волки по одному подходили и разглядывали его. Наконец все они спустились с холма, отправившись за убитым быком, и остались лишь Акела, Багира, Балу и волчье семейство Маугли. Шер-Хан все еще ревел в ночи, разгневанный тем, что Маугли не отдали ему.

— Давай-давай, реви погромче, — пробормотала Багира себе в усы, — ибо настанет день, когда этот голыш заставит тебя реветь под другую песню, если я хоть что-нибудь понимаю в людях.

— Хорошее дело, — промолвил Акела. — Люди и их детеныши очень мудры. Может быть, однажды это окажет нам помощь.

— Истинно говоришь — помочь в час нужды. Ибо никто не может надеяться вечно водить за собой Стая, — заметила Багира.

Акела ничего не ответил. Он думал о том времени, что приходит к любому вожаку любой стаи, когда сила уходит от него, и он делается все слабее и слабее, пока наконец волки не убьют его и не выдвинется новый вожак — чтобы тоже когда-нибудь в свою очередь быть убитым.

— Забери его, — сказал он Отцу Волку, — и воспитай, как подобает воспитывать сына Свободного Народа.

Вот так Маугли был принят в Сионийскую волчью стаю — за выкупного быка и доброе слово Балу.

А теперь вам придется пропустить полных десять-одиннадцать лет — и лишь догадываться о том, какую удивительную жизнь вел Маугли среди волков, ибо, будь его история записана, ее хватило бы не на одну книгу. Он рос вместе с волчатами, хотя, конечно, они стали взрослыми волками чуть ли не раньше, чем он из младенца превратился в ребенка. И Отец Волк учил его своему ремеслу и значению всего и вся в джунглях, пока каждый шорох

БРАТЬЯ МАУГЛИ

травы, каждое дуновение теплого ночного воздуха, каждый крик совы над головой, каждое царапанье коготков летучей мыши, уцепившейся ненадолго за дерево, каждый всплеск хвоста каждой маленькой рыбки, выпрыгнувшей из озерца, не обрели для него такой же глубокий смысл, какой имеет для дельца́ работа его конторы. Когда Маугли не учился, он выбирался из пещеры на солнышко и дремал, потом ел, потом снова дремал. Испачкавшись или вспотев, он плавал в лесных озерах; а когда ему хотелось меду (Балу рассказал ему, что мед и орехи так же вкусны, как и сырое мясо), он лазил за ним на деревья, а уж лазить научила его Багира. Багира, бывало, укладывалась на древесный сук и звала: «Иди-ка сюда, Маленький Брат», — и поначалу Маугли цеплялся за ветки, как ленивец, но потом научился почти так же храбро перелетать между сучьями, как серая обезьяна. Когда собиралась Стая, он занимал свое место на Скале Совета — и там же обнаружил, что, стоит ему пристально посмотреть на любого волка, как тот, не выдержав, отводит глаза, и тогда он стал смущать волков взглядом ради забавы. А порой он вытаскивал длинные шипы из подушечек лап своих друзей, ибо волки ужасно страдают от колючек и репьев, набивающихся в их шкуры. По ночам он спускался по склону горы на возделанные поля, с любопытством следя за деревенскими жителями в их хижинах, но не доверял людям, потому что Багира как-то раз показала ему квадратный ящик с падающей дверцей, так хитро упрятанный в джунглях, что Маугли едва не вошел в него, и объяснила, что это ловушка. Больше всего он любил уйти вместе с Багирой в сумрачную знойную чащу леса, проспать там весь жаркий день напролет, а по ночам смотреть, как Багира охотится. Багира, когда была голодна, убивала без разбора любую добычу, и так же поступал Маугли — с одним только исключением. Как только он достаточно подрос, чтобы понимать речь, Багира велела, чтобы он не смел прикасаться к домашнему скоту, ибо он был выкуплен в Стую ценой жизни быка.

КНИГА ДЖУНГЛЕЙ

— Все джунгли — твои, — говорила Багира, — и ты можешь убивать любую добычу, которая тебе по силам, но ради быка, что выкупил тебя, никогда не убивай и не ешь никакого скота, хоть молодого, хоть старого. Таков Закон Джунглей.

И Маугли беспрекословно повиновался.

Так он рос и рос — сильным, каким и должен расти мальчик, даже не догадывающийся, что он чему-то учится, и не обремененный никакими на свете заботами, кроме пропитания.

Мать Волчица не раз говорила ему, что Шер-Хану нельзя доверять и что настанет день, когда он должен будет убить Шер-Хана. Но, хотя молодой волк поминал бы этот совет каждый час, Маугли забыл его, потому что был всего-навсего мальчиком, хотя и называл бы себя волком, если бы способен был разговаривать на любом человеческом наречии.

Шер-Хан то и дело становился ему поперек дороги в джунглях, ибо Акела старел и слабел, а хромой тигр заделался большиим приятелем молодых волков Стая, которые ходили за ним по пятам, дожидаясь объедков, — этого Акела никогда не допустил бы, если бы осмеливался пользоваться своей властью так, как прежде. А Шер-Хан льстил им и вслух недоумевал, как это такие славные молодые охотники соглашаются слушаться волка, который едва ли не при смерти, и человеческого детеныша.

— Слыхал я, — говорил Шер-Хан, — что на Совете вы и глаза ему взглянуть не смеете.

И молодые волки рычали и ощетинивали загривки.

Багира, у которой повсюду были глаза и уши, признала об этом и не раз говорила Маугли, что однажды Шер-Хан пожелает его убить. А Маугли смеялся и отвечал:

— У меня есть Стая, и у меня есть ты, да и Балу, хоть он и ленив, расщедрится на один-два удара ради меня. Чего мне бояться?

Однажды жарким днем у Багиры возникла новая мысль, — рожденная слухами, которые до нее дошли. Может быть, их при-

БРАТЬЯ МАУГЛИ

нес Дикобраз Йкки¹⁸. Но когда они с Маугли забрались далеко вглубь джунглей и мальчик лежал, пристроив голову на прекрасную черную шкуру Багиры, она сказала:

— Маленький Брат, много ли раз я говорила тебе, что Шер-Хан — твой враг?

— Столько раз, сколько орехов на этой пальме, — отозвался Маугли, который, разумеется, считать не умел. — Да и что с того? Мне хочется спать, Багира, а Шер-Хан — это всего-навсего длинный хвост да громкие речи, точь-в-точь как Павлин Мо.

— Но сейчас не время спать. Балу это знает, я это знаю, Стая это знает, это знают даже глупыши олени. И Табаки тебе об этом говорил.

— Хо-хо! — воскликнул Маугли. — Табаки недавно приходил ко мне и нагрубил, сказав, что я голый человеческий детеныш и не гожусь даже земляные орехи копать. Но я поймал Табаки за хвост и дважды приложил о пальму, чтобы научить его хорошим манерам.

— Это глупо, ибо, хоть Табаки и смутьян, он мог бы порассказать тебе о том, что напрямую тебя касается. Раскрой глаза, Маленький Брат! Шер-Хан не осмеливается убить тебя в джунглях. Но помни, Акела очень стар — вскоре наступит день, когда он не сможет убить своего оленя, и тогда он перестанет быть вожаком. Многие из тех волков, что смотрели тебя, впервые приведенного на Совет, тоже одряхлели, а молодые волки полагают, как подучил их Шер-Хан, что человеческому детенышу не место в Стая. Вскорости ты станешь человеком.

— А что же такое человек, чтоб ему нельзя было бегать со своими братьями? — удивился Маугли. — Я родился в джунглях. Я повиновался Закону Джунглей, и среди наших нет ни единственного волка, из чьей лапы я бы не вытащил занозу. Конечно они мои братья!

Багира потянулась всем телом и наполовину прикрыла глаза.

КНИГА ДЖУНГЛЕЙ

— Маленький Брат, — проговорила она, — пощупай шею у меня под челюстью.

Маугли протянул сильную смуглую руку и прямо под шелковистым подбородком Багиры, где огромные бугрящиеся мускулы скрывались под лоснящейся шерстью, нашупал маленькую лысинку.

— Никто в джунглях не знает, что я, Багира, ношу эту отметину — отметину от ошейника. И все же, Маленький Брат, я родилась среди людей, и среди людей умерла моя мать — в зверинце королевского дворца в Удайпуре¹⁹. Именно из-за этого я уплатила выкуп за тебя на Совете, когда ты был маленьким голеньким детенышем. Да, я тоже родилась среди людей. Я никогда не видела джунглей. Они кормили меня за решеткой, из железной миски, пока однажды ночью я не почувствовала, что я — Багира, Пантера, а не человечья игрушка, и тогда я сломала этот глупый замок одним ударом лапы и ушла прочь. И поскольку мне известны людские повадки, в джунглях меня стали бояться больше, чем Шер-Хана. Разве не так?

— Так, — подтвердил Маугли. — Все джунгли страшатся Багиры — все, кроме Маугли.

— Ах, так ты же человеческий детеныш, — очень нежно проговорила Черная Пантера. — Так вот, как я вернулась в свои джунгли, так и ты однажды должен вернуться к людям — к людям, которые и есть твои братья, — если тебя не убьют на Совете.

— Но почему... Но почему кому-то захочется убивать меня? — возмутился Маугли.

— Погляди на меня, — велела Багира. И Маугли сосредоточенно уставился ей в глаза. Не прошло и половины минуты, как огромная пантера отвернулась.

— Вот почему, — сказала она, вороша лапой листья. — Даже я не могу смотреть тебе в глаза, а ведь я родилась среди людей, и я люблю тебя, Маленький Брат. А прочие — они ненавидят

БРАТЬЯ МАУГЛИ

тебя за то, что не выдерживают твоего взгляда; за то, что ты умен; за то, что ты вытаскивал из их лап занозы; за то, что ты человек.

— Я ничего такого не знал, — угрюмо проговорил Маугли и нахмурил густые черные брови.

— Что говорит Закон Джунглей? Вначале ударь, потом подай голос. По самой твоей беспечности они понимают, что ты — человек. Но будь благоразумен. Сердце мое говорит мне, что, когда Акела упустит свою следующую добычу, — а с каждой охотой ему становится все труднее завалить оленя, — Стая восстанет против него и против тебя. Они созовут Совет Джунглей на Скале, и тогда... и тогда... Придумала! — воскликнула Багира, вскакивая на все лапы. — Живо отправляйся в человеческие хижины в долину и добудь у людей Красный Цветок, который они там растят, чтобы, когда настанет час, у тебя был друг посильнее меня, или Балу, или тех из Стai, кто тебя любит. Иди и добудь Красный Цветок!

Под Красным Цветком Багира разумела огонь, вот только ни одно создание в джунглях не станет называть огонь его настоящим именем. Все звери смертельно боятся огня и изобретают сотни окольных способов говорить о нем.

— Красный Цветок? — переспросил Маугли. — Тот, что растет в сумерках подле их хижин? Я его добуду.

— Вот речь истинного человеческого детеныша! — гордо сказала Багира. — Помни, что растет он в маленьких горшках. Проворно добудь один из них и держи его при себе, пока не понадобится.

— Хорошо, — кивнул Маугли. — Иду. Но уверена ли ты, о моя Багира, — он обвил рукою ее роскошную шею и пристально заглянул прямо в большие глаза, — уверена ли ты, что все это проделки Шер-Хана?

— Клянусь сломанным замком, что освободил меня, я уверена, Маленький Брат.

— Тогда, клянусь быком, что выкупил меня, я отплачу Шер-

КНИГА ДЖУНГЛЕЙ

Хану за это полной мерой, а может быть, и с лихвой, — пообещал Маугли и скачками понесся прочь.

«Вот человек! Настоящий человек, — думала про себя Багира, снова укладываясь. — О Шер-Хан, в недобрый час вздумалось тебе десять лет назад поохотиться на этого лягушонка!»

Маугли мчался все дальше и дальше по лесу. Он бежал быстро, и сердце его пылало. Он добежал до пещеры как раз тогда, когда поднимался вечерний туман, перевел дух и глянул вниз, в долину. Четверых волчат в пещере не было, но Мать Волчица, лежа в глубине пещеры, поняла по его дыханию, что что-то встревожило ее Лягушонка.

— Что случилось, сынок? — спросила она.

— Кое-какие нетопырьи сплетни о Шер-Хане, — отозвался он. — Нынче я охочусь на вспаханных полях, — и он ринулся вниз сквозь кусты, к ручью, бежавшему по дну долины. Там он приостановился, ибо услышал вой охотящейся Стai, услышал рев загоняемого Самбхура и его фырканье, когда попавший в ловушку олень развернулся для защиты. Потом раздались злобные, резкие завывания молодых волков:

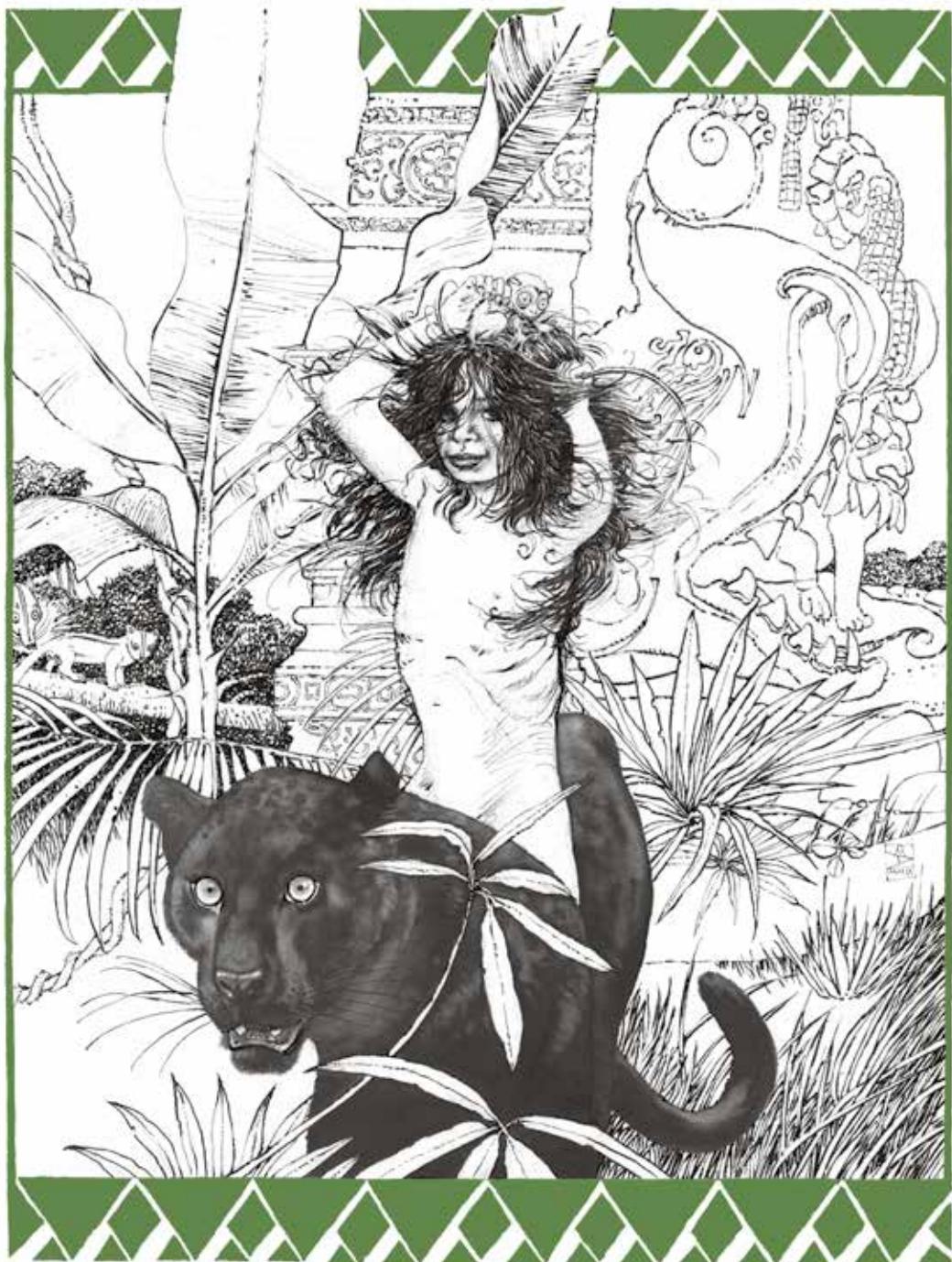
— Акела! Акела! Пусть Одинокий Волк покажет свою силу. Дорогу вожаку Стai. Прыгай, Акела!

Должно быть, Волк-Одиночка прыгнул и промахнулся, ибо Маугли услышал щелчок его зубов, а затем визг, когда Самбхур опрокинул его наземь передним копытом. Маугли не стал больше ждать и помчался дальше; и вой за его спиной становился все тише, пока он бежал по пахотным землям, на которых жили сельчане.

— Багира говорила правду, — задыхаясь, пробормотал он, устраиваясь поудобнее в кормушке для скота под оконцем хижины. — Завтра решительный день и для Акелы, и для меня.

Потом, прижавшись лицом к окну, он стал смотреть на огонь в очаге. Он видел, как жена землепашца вставала ночью и подкармливала его какими-то черными комьями, а когда настало

БРАТЬЯ МАУГЛИ

КНИГА ДЖУНГЛЕЙ

утро и окутalo все вокруг белым и холодным туманом, увидел, как человеческий ребенок взял оплетенный прутьями горшок, выложенный изнутри глиной, наполнил его раскаленными докрасна угольками, накрыл одеялом и пошел обижаживать коров в хлеву.

— И всего-то? — удивился Маугли. — Если уж ребенок может это сделать, то бояться нечего.

Он решительным шагом вышел из-за угла хижины, перехватил мальчишку, забрал у него из рук горшок и исчез в тумане, пока мальчик завывал от страха.

— Люди очень похожи на меня, — проговорил Маугли, дуя в горшок: он видел, как это делала женщина. — Эта тварь умрет, если я не дам ей поесть, — и он стал бросать прутики и сухую кору на красные угли. На полпути вверх по холму он встретил Багибу. Утренняя роса сияла на ее шкуре, точно лунные камни.

— Акела промахнулся, — сказала пантера. — Они убили бы его сегодня ночью, но им нужен был и ты. Они искали тебя на холме.

— Я был на вспаханных полях. Я готов. Смотри! — и Маугли показал ей горшок с огнем.

— Хорошо! Знаешь, я видела, как люди суют в эту штуку сухую ветку, и постепенно на ее конце расцветает Красный Цветок. Нежели ты не боишься?

— Нет. Да и с чего бы мне бояться? Теперь я припоминаю — если только это не сон, — как, прежде чем стать волком, я лежал подле Красного Цветка и мне было тепло и приятно.

Весь этот день Маугли просидел в пещере, ухаживая за своим огненным горшком и сужа в него сухие ветки, чтобы посмотреть, что из этого выйдет. Он подыскал ветку, которой остался доволен, и вечером, когда Табаки пришел к пещере и довольно грубо заявил ему, что его ждут на Скале Совета, он смеялся до тех пор, пока Табаки не сбежал. А потом Маугли, по-прежнему смеясь, отправился на Совет.

БРАТЬЯ МАУГЛИ

Акела, Волк-Одиночка, лежал рядом со своим камнем в знак того, что место вожака Стai свободно, а Шер-Хан со своей своих прихлебателей-волков расхаживал взад-вперед, открыто принимая их лесть. Багира легла рядом с Маугли, а горшок с огнем Маугли поставил между колен. Когда все собрались, слово взял Шер-Хан — он ни за что не осмелился бы этого сделать, будь Акела в расцвете сил.

— Он не имеет права, — прошептала Багира, — так и скажи. Он собачий сын. Он испугается.

Маугли вскочил на ноги.

— Свободный Народ, — воскликнул он, — разве Шер-Хан вожак Стai? Какое тигру дело до того, кто будет нашим вожаком?

— Учитывая, что место вожака еще свободно, и поскольку меня попросили высказаться... — начал было Шер-Хан.

— Кто? — перебил его Маугли. — Неужто все мы шакалы, чтобы подлизываться к этому коровьему мяснику? Вожаком Стai может быть только член Стai.

Вразнобой раздались крики:

— Умолкни, ты, человеческий детеныш!

— Нет, пусть говорит. Он соблюдал наш Закон!

И наконец прогремели голоса старейшин Стai:

— Пусть говорит Мертвый Волк.

Когда вожак Стai промахивается на охоте, его называют Мертвым Волком до конца его дней — и дней этих много не бывает.

Акела устало поднял седую голову:

— Свободный Народ — и вы тоже, шакалы Шер-Хана... Двенадцать лет я водил вас на охоту и с охоты, и за все это время ни один из вас не попал в ловушку и не покалечился. Теперь я упустил свою добычу. Вы знаете, как это было сделано. Вы знаете, что подвели меня к свежему оленю, дабы все увидели мою слабость. Ловко подстроено! Ваше право — убить меня здесь, на Скале Совета, прямо сейчас. Поэтому я спрашиваю —

КНИГА ДЖУНГЛЕЙ

кто подойдет прикончить Одинокого Волка? Ибо мое право, по Закону Джунглей, чтобы вы подходили поодиночке.

Воцарилось долгое молчание, ибо ни одному волку не хотелось выходить на смертный бой с Акелой. Тогда Шер-Хан взревел:

— Ха! На что нам нужен этот беззубый глупец? Он обречен на смерть! А вот человеческий детеныш слишком уж здесь зажился. Свободный Народ, он с самого начала был моей добычей. Отдайте его мне! Мне надоела вся эта чушь про человека-волка. Вот уже десять лет он баламутит джунгли. Отдайте мне человеческого детеныша — или я буду охотиться здесь вечно, а вам не дам ни единой кости. Он — человек, дитя человека, и я ненавижу его до мозга костей!

И больше половины Стая взревело:

— Человек! На что нам человек? Пусть убирается восьсяи!

— И поднимет против нас всех деревенских жителей? — прогремел Шер-Хан. — Нет! Отдайте его мне. Он человек, и никто из нас не может смотреть ему в глаза.

Акела вновь поднял голову и промолвил:

— Он ел с нами. Он спал с нами. Он загонял для нас добычу. Он не преступил ни единого слова из Закона Джунглей.

— А еще я уплатила за него выкуп — быка, когда его принимали в Стую. Невелика ценность — бык, но за честь Багиры, пожалуй, стоит и подраться, — проговорила Багира самым мягким голосом.

— Бык, выплаченный десять лет назад! — зарычала Стая. — Какое нам дело до костей десятилетней давности?

— Или до клятвы? — подхватила Багира, и губа ее поползла вверх, обнажая белые клыки. — Недаром вы зоветесь Свободным Народом!

— Никакой человеческий детеныш не может бегать с Народом Джунглей, — провыл Шер-Хан, — отдайте его мне!

— Он наш брат во всем, кроме крови, — продолжал Акела, —

БРАТЬЯ МАУГЛИ

а вы хотите убить его здесь! Вот уж воистину, зажился я на этом свете. Некоторые из вас стали пожирателями скота, а о других я слышал, что по наущению Шер-Хана вы прокрадываетесь по ночам в деревни и умыкаете детей от порогов хижин. Посему я знаю вас как трусов — и с трусами буду я говорить. Конечно, я должен умереть, и жизнь моя не имеет никакой цены, иначе я бы предложил ее в обмен на жизнь человеческого детеныша. Но, во имя чести Стai — той малости, о которой вы, оставшись без вожака, уже успели позабыть, — я обещаю: если вы позволите человеческому детенышу уйти к своим, я, когда придет мне время умереть, не обнажу против вас клыки. Я умру без боя. Это спасет для Стai не менее трех жизней. Большего я сделать не могу, но, если пожелаете, сумею избавить вас от позора, который навлекает убийство брата, на коем нет никакой вины, — брата, принятого в Стai за доброе слово и за выкуп согласно Закону Джунглей.

— Он человек, человек, человек! — рычала Стая. И большинство волков начали собираться вокруг Шер-Хана, который принялся размахивать хвостом из стороны в сторону.

— Теперь все в твоих руках, — сказала Багира. — Мы больше ничего не можем сделать. Только драться.

Маугли выпрямился во весь рост — с огненным горшком в руках. Потом потянулся и зевнул прямо в лицо Совету; но он был вне себя от ярости и горя, ибо, по вольчьему обычаю, волки никогда не говорили ему, что ненавидят его.

— Слушайте, вы! — вскричал он. — Ни к чему этот собачий вздор. Вы сегодня так часто говорили мне, что я человек (а я бы остался с вами волком до конца своих дней), что я чую в ваших словах истину. Так что отныне я буду звать вас не братьями своими, но сагами (собаками), как и подобает человеку. Не вам говорить, что вы будете делать и чего не будете. Это решать мне. И чтобы мы увидели это отчетливее, я, человек, принес сюда Красный Цветок, которого вы, собаки, боитесь!

КНИГА ДЖУНГЛЕЙ

Он швырнул горшок с огнем на землю, несколько красных угольков подожгли сухой мох, который тут же вспыхнул, и весь Совет отпрянул в ужасе перед скачающими языками пламени.

Маугли сунул сухую ветку в огонь и держал ее, пока прутья не вспыхнули и не затрещали, а потом закрутил ею над головой среди толпы поджавших хвосты волков.

— Ты — господин, — вполголоса проговорила Багира. — Спаси Акелу от гибели. Он всегда был тебе другом.

Акела, угрюмый старый волк, который ни разу в жизни не просил пощады, бросил один жалобный взгляд на Маугли. Мальчик стоял совершенно обнаженный. Его длинные черные волосы разметались по плечам, озаренные светом от пылающей ветки, и тени скакали и трепетали вокруг него.

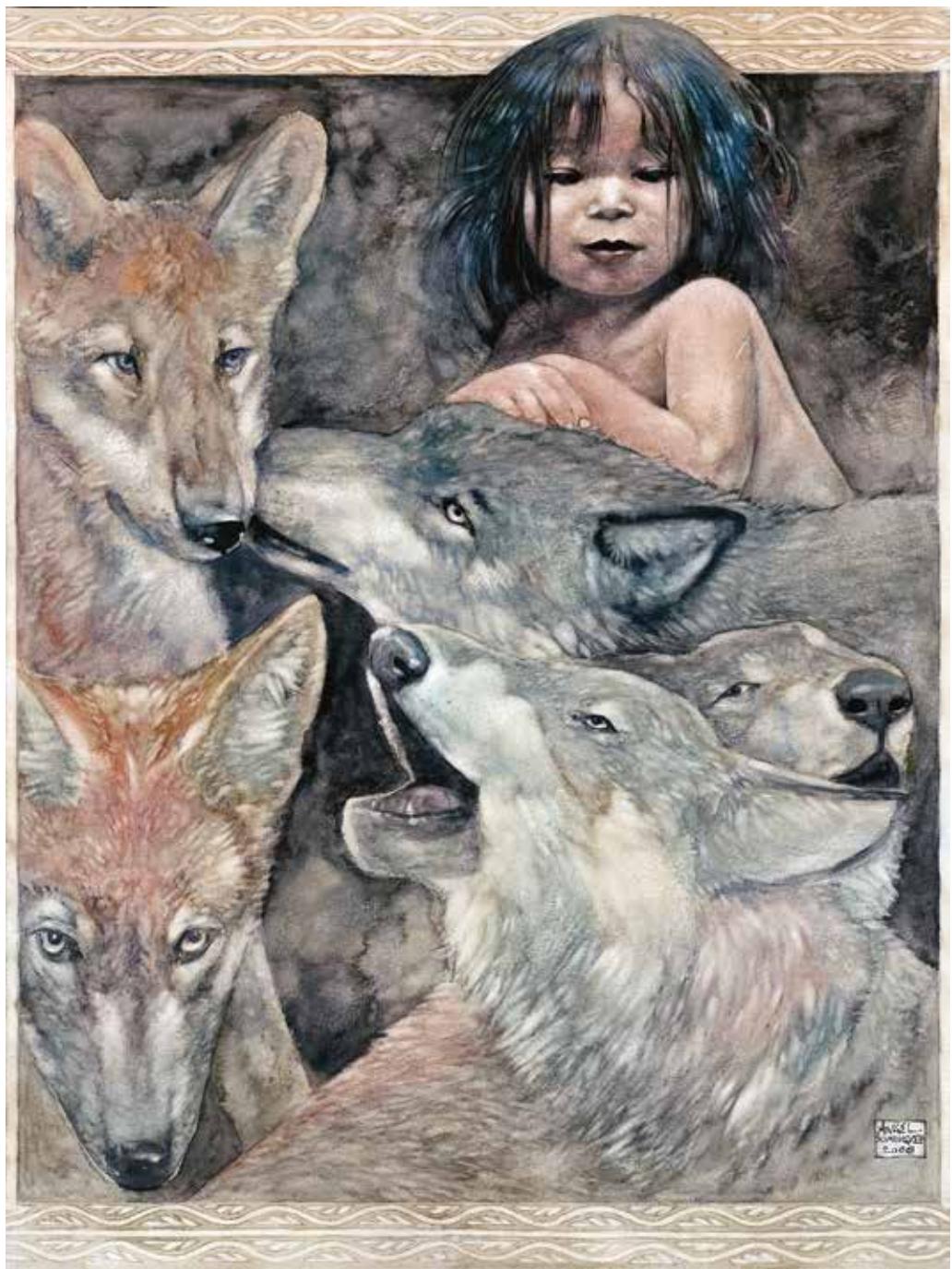
— Хорошо! — сказал Маугли, медленно озираясь. — Вижу, что вы собаки. Я ухожу от вас к моему собственному народу — если они на самом деле мой народ. Джунгли закрыты для меня, и я должен забыть ваш язык и вашу дружбу. Но я буду милосерднее вас. Ибо я был вам братом во всем, кроме крови, и потому обещаю, что, когда я стану человеком среди людей, я не предам вас людям, как вы предали меня, — он пнул угли ногой, и искры взлетели вверх. — Меж нами, волками одной Стai, раздору не быть. Но есть один долг, который я должен уплатить, прежде чем уйду, — он подошел прямо к Шер-Хану, который сидел, глупо моргая и уставившись на пламя, и ухватил его за кисточку на подбородке. Багира на всякий случай последовала за ним.

— Встать, пес! — выкрикнул Маугли. — Встать, когда говорит человек, а не то я подпалию тебе шкуру!

Шер-Хан прижал уши к голове и зажмурил глаза, ибо пылающая ветка оказалась совсем рядом.

— Этот убийца скота сказал, что убьет меня на Совете, потому что не убил меня, когда я был детенышем. Вот так и вот так бьем мы собак, когда становимся людьми. Шевельни только усом,

БРАТЬЯ МАУГЛИ

Он рос вместе с волчатами, хотя, конечно, они стали взрослыми волками чуть ли не раньше, чем он из младенца превратился в ребенка.

КНИГА ДЖУНГЛЕЙ

Лангри, и я вгоню этот Красный Цветок тебе в глотку! — он лупил Шер-Хана веткой по голове, и тигр скулил и стонал, терзаемый страхом.

— Ха! Паленая Кошка Джунглей! Ступай теперь прочь! Но помни: когда я в следующий раз приду на Скалу Совета, как подобает приходить человеку, на голове у меня будет шкура Шер-Хана... Теперь вы, остальные. Акела волен жить так, как ему вздумается. Вы его не убьете, ибо такова моя воля. Не думаю я, что вы будете и дальше сидеть здесь, вывалив языки, точно вы важные особы, а не собаки, которых я гоню прочь — вот так! Убирайтесь!

Пламя яростно пылало на конце ветки, и Маугли, стоя в кругу, наносил удары направо и налево, и волки бежали, завывая, а искры прожигали их мех. Под конец на скале остались лишь Акела, Багира, и, пожалуй, не больше десятка волков, принявших сторону Маугли. И тут что-то разболелось у Маугли внутри, как никогда прежде не болело за всю его жизнь. Дыхание у него перехватило, он всхлипнул, и слезы потекли по его лицу.

— Что это? Что это такое? — спрашивал он. — Я не желаю покидать джунгли, и я не знаю, что это такое. Я умираю, Багира?

— Нет, Маленький Брат. Это всего лишь слезы, какие бывают у людей, — ответила Багира. — Теперь я знаю, что ты отныне человек, а не человеческий детеныш. Джунгли отныне воистину закрыты для тебя. Пусть они льются, Маугли. Это просто слезы.

Так Маугли сидел и рыдал, точно у него вот-вот готово было разорваться сердце; и никогда прежде в своей жизни он так не плакал.

— А теперь, — сказал он, — я пойду к людям. Но вначале я должен попрощаться с матерью.

И он пошел в пещеру, где жила она с Отцом Волком, и плакал, уткнувшись лицом в ее шкуру, и четверо братьев-волчат жалобно завывали.

— Вы меня не забудете? — спрашивал Маугли.

БРАТЬЯ МАУГЛИ

— Никогда — пока сможем идти по следу, — отвечали волчата. — Приходи к подножию холма, когда будешь человеком, и мы станем говорить с тобой; и мы станем приходить на засеянные поля играть с тобой по ночам.

— Приходи поскорее! — проговорил Отец Волк. — О мудрый маленький Лягушонок, приходи снова поскорее, ведь мы уже стары, твоя мать и я.

— Приходи поскорее, — вторила ему Мать Волчица, — мой маленький голый сынок. — Ибо, услыши, дитя человеческое, я любила тебя больше, чем собственных волчат.

— Конечно, приду, — пообещал Маугли. — И приду я затем, чтобы разложить шкуру Шер-Хана на Скале Совета. Не забывайте меня! Скажите всем в джунглях, чтобы никогда меня не забывали!

Уже занимался рассвет, когда Маугли в одиночестве спустился по склону холма, чтобы встретиться с таинственными существами, которые зовутся людьми.

